

ИСТОРИЯ

М.В. НОВИКОВ, Т.Б. ПЕРФИЛОВА

Модернизация древней истории в творчестве Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула

В статье рассматривается проблема использования приема исторических аналогий и метода модернизации древней истории в исследовательской и учебной деятельности профессоров Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула.

A problem of the use of reception of historical analogies and a method of modernization of the ancient history in research and educational activity of professor R.J.Vipper and professor V.P.Buzeskula is considered.

Модернизация, или осовременивание, истории, отдаленной от исследователя (преподавателя) столетиями, а то и тысячелетиями, является общей проблемой как для курса отечественной, так и для курса всеобщей истории; однако наиболее отчетливо эта проблема проявила себя при изучении и преподавании истории древнего мира, и впервые это произошло в конце XIX – начале XX века. Методологической базой этого нового в то время подхода стала «теория цикличности», предложенная выдающимся немецким историком античности Эдуардом Мейером (1855-1930). Согласно Э. Мейеру, античный мир пережил в своем развитии те же стадии, что и Европа к началу XX века: примитивное общество, феодализм, капитализм, упадок и возвращение на стадию примитивного общества. Европейскую цивилизацию, находившуюся в то время на стадии капитализма, ждал неизбежный этап упадка и возврата к примитивному обществу. Отсюда следовало, что на соответствующих этапах развития античного и европейского обществ возможны аналогичные процессы, а значит, и в изучении этих процессов возможны аналогии.

Современниками Э. Мейера в России были выдающиеся отечественные историки Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) и Владимир Петрович Бузескул (1858-1931), которые с энтузиазмом восприняли «теорию цикличности» и вытекавшую из нее возможность проведения аналогий между античным обществом и современной им эпохой, возможность осовременивания античной истории, причем это имело отношение и к процессу исследования, и к преподаванию [1].

В основе метода модернизации древней истории, по мнению В.П. Бузескула, лежат

два взаимосвязанных явления: «чисто научный, теоретический интерес», позволяющий выяснить наличие закономерностей в развитии человечества, и образовательные задачи – стремление превратить историю в «глубоко поучительную» науку, способную служить своего рода энциклопедией человеческого опыта, проводником при решении современными народами наиболее важных проблем их социально-политического развития.

По поводу востребованности содержания античной и, в частности, греческой эпохи в российской и европейской действительности XIX века он писал следующее: «Античный мир является нам не миром *suí generis*, далёким и чуждым, а близким и понятным, имеющим много аналогий с так называемыми средними и новыми веками и с современностью... Древний мир волновали те же жизненные вопросы, которые ещё и теперь, отчасти не решённые, занимают каждого мыслящего человека» [2].

Стремление Р.Ю. Виппера актуализировать содержание учебных изданий было одной из причин сознательной модернизации им явлений и процессов античного мира. Сам автор не мыслил написания учебников без этого, как ему казалось, эффективного приема, так как модернизация, по его словам, позволяла «перевести выражения окаменевших отрывков старины на наш ежедневный язык» [3]. Исторические картины при этом сразу вызывают неподдельный интерес, так как в «старинных людях» современные читатели обнаруживают самих себя. Кроме того, «отождествляя» людей предшествующих поколений со своими современниками, «мы сознаем ясно, что переживаемые нами волнения и же-

лания роднят нас с человечеством всех времен» [4].

Учебники Р.Ю. Виппера «наводнены» чуждой античности терминологией; в гомеровской Греции он видит присутствие «феодалных сеньоров» и «сеньоров-торговцев», «военных вассалов», «холопов». Архаическая эпоха в жизни Греции воспринимается ученым как время «промышленного развития», складывания «крупного капитала», «подъема торгово-промышленного класса и крестьянства», возникновения планов «социальной революции», «социалистических проектов», которые берут на вооружение «организованные пролетарии». На протяжении всей республиканской истории в Древнем Риме «орудуют» капиталисты, банкиры, промышленники, феодалы, угнетающие пролетариат и крепостных крестьян; здесь непрерывно, одна за другой, следуют революции, а империалистическая политика представителей богатых классов порождает цепь насильственных действий со стороны оппозиционных партий и социальных групп [5].

Р.Ю. Виппер с недоумением относился к тем своим рецензентам, которые, не одобряя его прием приближения старины к новейшим отношениям, упрекали автора в том, что он своим современным комментарием портит «застывшую гармонию» античного мира. Возражая своим оппонентам, он заявлял, что, приближая сухую древность к российской действительности, он лишает древнюю историю условности, разрушает идеализированные, а значит, лженаучные представления и одновременно наполняет минувшую эпоху дыханием жизни [3. С. 298].

Многие коллеги Р.Ю. Виппера разделяли с ним убеждение в необходимости модернизировать античную историю хотя бы ради того, чтобы пробудить интерес молодежи к проблемам жизни греков и римлян путем создания исторических аналогий, преодолеть изолированность античной эпохи от современной, научиться извлекать полезные практические уроки из прошлого человечества. К примеру, К.Н. Успенский (вместе с Р.Ю. Виппером) негодует на тех незадачливых рецензентов, которые в «свежем, здоровом реализме» содержания «Истории Греции...» видят лишь склонность профессора к модернизации. «Сближение и аналогии древности и современности могли казаться еретическими

только до тех пор, пока царили гегельянство и всемирно-историческая точка зрения, пока господствовала вера в полную изоляцию античного мира. В наши дни уже пора признать, что подобные приемы исторической характеристики, благодаря которым классические образы оживают, облакаются в плоть и кровь, становятся ближе и понятнее, а вместе с тем и поучительнее, не только приемлемы, но и необходимы» [6].

В.П. Бузескул значительно более осторожно подходил к возможной модернизации и связанной с ней популяризации истории древнего мира. Он заявлял, что не приемлет крайнюю модернизацию, поэтому никогда не признает полного тождества и повторения истории; утверждал, что «историческая жизнь» народов неповторима, так как «всякий исторический факт индивидуален» [7], и в качестве примера приводил христианство, которое в западно-европейском Средневековье приобрело черты, чуждые античности [8]. Вместе с тем данный исследователь не подвергал сомнению идею преемственности исторической традиции, полагая, что «отдельные идеи, учреждения, культура предшествующего периода развития не исчезают окончательно даже с гибелью общества, их создавшего, и, пережив века, влияют на последующие поколения народов» [8], а это, в свою очередь, неизбежно порождало соблазн создавать исторические аналогии и проводить параллели между современностью и минувшими историческими эпохами.

В.П. Бузескул не мог не признать, что модернизация древней истории имеет «свою опасную сторону: тут легко впасть в крайности и натяжки, усмотреть сходство там, где его вовсе нет или где оно только кажущееся; сосредоточивая всё внимание на аналогичных моментах, исследователь легко может остаться в стороне и недостаточно оттенить особенности, специфически свойственные древности и отличающие её от Нового времени, или упустить из виду характерные черты последнего» [9]. В этом ключе он рассматривал, к примеру, случаи модернизации древней истории у Р.Ю. Виппера. В.П. Бузескул сомневался в том, что гомеровских басилеев можно называть средневековым термином «сеньор», а использованный Р.Ю. Виппером термин «империализм» он брал в кавычки [7. С. 508].

Тем не менее, В.П. Бузескул не отказался от идеи модернизации древней истории, так как полагал, что, благодаря историческим аналогиям, античность утрачивает свою «безжизненность» и обретает актуальное современное содержание. Он стремился показать сходство «жгучих вопросов, жизненных проблем» древних греков и современного ему общества, а именно «вечный характер» обыденных интересов, социальных утопий, причин, вызывающих классовую и политическую борьбу, который заставлял его убедиться в правильности использования приёма исторических аналогий и принципа модернизации античности [2. С. V].

Все сомнения в возможности использования аналогий между современной и древней историей В.П. Бузескул отбрасывает к 1913 г. – времени написания научно-популярной работы «Античность и современность», возникшей из серии его публичных лекций. Таким образом, если ещё во «Введении в историю Греции» он изредка критикует Э. Мейера за излишнюю модернизацию, то в сочинении «Античность и современность» третья глава уже полностью построена в духе соглашения с выводами немецкого учёного, так как В.П. Бузескул сумел подавить в себе сомнение в том, что именно «осовременивание», «опрошение» утончённо-развитой греческой цивилизации [8. С. 512] «делают этот мир для нас живым, особенно близким и родным» [10].

Книга В.П. Бузескула «Античность и современность» содержит немало подлинно научных фактов из истории афинской демократии, повседневной жизни греков, их культурного наследия. К примеру, автор сообщает читателям, что греческое общество, хотя и было рабовладельческим по характеру, никогда не преувеличивало значения рабского труда, который не смог вытеснить из производства труд «свободных рабочих» [7. С. 4, 5]; он подчёркивал правовой характер афинской демократии, где воля народа ограничивалась законом [7. С. 37, 38].

Вместе с тем В.П. Бузескул создал свою книгу ради популяризации основных достижений в области греческой истории и историографии античности [7. С. 3], поэтому её содержание – поверхностное, стиль – описательный. Кроме того, огромное количество фактического материала, изложенного про-

сто, незатейливо, интересно, структурировано тенденциозно, с тем чтобы продемонстрировать наличие нерасторжимой преемственности античности и современности, которая проявляется не только в области философии, образования, медицины, но и на уровне государственного управления, социально-экономических отношений.

К примеру, ученый находил «полную аналогию» раннегреческой тирании VIII–VI века до н. э. с итальянской тиранией эпохи Возрождения, так как «самые условия, окружавшие тех и других, в значительной мере сходны. Как в Греции, так и в Италии то была пора развития городской жизни, торговли, богатства, городского класса...» [7. С. 11, 12]. Историю Греции второй половины V века до н. э. он называет эпохой «Просвещения», которая, по его мнению, имела много общего с эпохой французского Просвещения XVIII века: «...и ту, и другую характеризуют рационализм и скептицизм, критическое отношение к традиции, к установившимся воззрениям, к прежним верованиям и морали. А греческих софистов и их роль можно сравнивать до известной степени с французскими философами и их положением в обществе...» [7. С. 77].

Монархия Птолемея вызывает у В.П. Бузескула ассоциации с абсолютными монархиями Нового времени. В том и другом случае он видит сильную централизацию власти, сосредоточение законодательной, политической, культурной жизни в царском дворце, наличие бюрократического аппарата с его бумажным делопроизводством, появление придворного образованного общества. Даже антисемитизм, выявленный им в египетской Александрии [7. С. 70–75], убеждает его в правильности выбора иллюстративного ряда для доказательства положения о преемственности древней и современной истории (а не каких-то отдельных её сторон или проявлений!), а следовательно, о целесообразности создания исторических аналогий.

В.П. Бузескул обнаруживает в древности наличие коммунистических и государственно-социалистических идей, наряду с их творцами и носителями – пролетариатом [7. С. 60] и «социал-демократическим» по составу народным собранием Афин [7. С. 63]. Платон выступает у него глашатаем нового типа государства, основанного на коммунистической идее обобществления не только собст-

венности, но и половых партнёров [7. С. 24, 22]. Отголоски коммунистических идей В.П. Бузескул отмечает и в трактате Аристотеля, когда тот приписывает «демократам» стремление к политическому, а следовательно, и социальному равенству [7. С. 63].

В сочинении В.П. Бузескула присутствуют многочисленные сравнения тех политических деятелей Эллады, Средневековья и Нового времени, чьи схожие направления в реформировании современного им общества подмечал либо он сам, либо зарубежные историки. К примеру, афинский тиран Гиппарх сравнивается с Лаврентием Великолепным [7. С. 12], афинский политик Критий, член олигархической клики 411 г. до н. э., – с «террористом» Робеспьером [7. С. 53], «банкир» IV века до н. э. Пасион – с Ротшильдом [7. С. 58], венценосец Птолемей – с Фридрихом Великим [7. С. 72].

Сходные ассоциации возникают у В.П. Бузескула, когда он пытается спроецировать животрепещущие идеологические и философские проблемы античности на общественно-политический контекст Европы XVIII–XIX веков. Например, Критий, «известный олигарх и террорист», автор трагедии «Сизиф», за много столетий до появления вольнодумца Вольтера пришёл к заключению о том, что религия – это умная выдумка, созданная для воспитания человека, обуздания его страстей, для борьбы с преступностью [7. С. 105]. Калликл, герой платоновского диалога «Горгий», предвосхитил идеи Ницше о том, что право возникает для защиты власти сильного и порабощения слабого [7. С. 106, 107]. Торжество силы над правдой красной нитью проходит и в произведении Ксенофонта «Меморабилии», что находит отклик в политике «крови и железа» Бисмарка [7. С. 47–49].

Конечно, В.П. Бузескул ловил себя на мысли о том, что «было бы ошибочно и односторонне видеть одно только сходство между древностью и современностью, слишком модернизировать первую» [7. С. 192]. Иногда он даже принимался критиковать немецких историков за то, что они заходят «так далеко» в своём желании сравнивать платоновских правителей с современными чиновниками [7. С. 23, 24], или Т. Моммзена за то, что он «без оговорок» сопоставлял царство Птолемея с монархией Фридриха Великого [7. С. 72].

В.П. Бузескул старался следовать принципу: «В истории полного тождества не бывает: есть только аналогия ... Каждый период, каждый народ, наряду с общими чертами, имеет свои особенности, ему свойственные» [7. С. 192]. Однако на практике, погружаясь в атмосферу сравнений, он нередко отходил от этого принципа. Тот факт, что он принимал «теорию цикличности» Э. Мейера, не видел методологической погрешности в использовании идеи модернизации, которая шла вразрез с пропагандируемым им принципом историзма, свидетельствует об обратном.

Среди современников Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула были ученые, отрицавшие возможность и необходимость модернизации античной истории. Выдающийся французский историк Ф. де Куланж «настаивал на коренном различии между древностью и современными народами»: «В новые времена нет ничего похожего на Грецию и Рим; ничего похожего не может быть и в будущем» [8. С. 351].

Причину различия античности и современности Ф. де Куланж усматривал в самом человеке, в его понятиях, связанных с общественным строем [8. С. 351, 352]. Он считал недопустимым «беспреданно сравнивать греков и римлян с нами, судить об их истории по нашей, объяснять их революции нашими» [8. С. 351]. Опасные заблуждения, состоящие в том, что учреждения древних можно оживить, свободу древних – возродить, наносили, по его соображениям, вред обществу, которое принимает иллюзии за реальность. Ф. де Куланж даже заявлял о том, что привычка всегда иметь перед глазами греческую и римскую древность составляет величайшую преграду прогрессу современного общества [8. С. 351].

Подобная точка зрения, высказанная даже таким авторитетным ученым, как Ф. де Куланж, не могла, тем не менее, убедить Р.Ю. Виппера и В.П. Бузескула отказаться от метода модернизации древней истории. Они сохранили убежденность в необходимости модернизации, в эффективности метода создания исторических аналогий до конца своих дней, что в советский период их профессиональной деятельности имело свою положительную сторону, помогая приспособить свои убеждения к новым реалиям, а значит, и выжить. В.П. Бузескул мог читать, к примеру,

курс истории социальных учений от античности до современности, «гримируя» Платона, Аристотеля и других философов древности под социалистов. При этом он отводил на изучение античных мыслителей гораздо больше времени, чем на рассмотрение взглядов социалистов-утопистов и, тем более, марксистов, о чём сохранились сведения в архивах Харьковского университета [11].

Примечания

1. Подробнее о них см.: Перфилова, Т.Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р.Ю. Виппера [Текст] / Т.Б. Перфилова: монография / под ред. доктора исторических наук, профессора М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – 348 с.; Перфилова, Т.Б. Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В.П. Бузескула [Текст] / Т.Б. Перфилова: монография / под ред. доктора исторических наук, профессора М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – 400 с.
2. Бузескул, В.П. История афинской демократии [Текст] / В.П. Бузескул. – СПб., 1909. – С. V.
3. Виппер, Р.Ю. Сумерки людей [Текст] / Р.Ю. Виппер // Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. – М., 1912. – С. 297.
4. Там же.
5. Виппер, Р.Ю. Лекции по истории Греции [Текст] / Р.Ю. Виппер // Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало): избранные сочинения: в 2 т. – Ростов н/Д, 1995.
6. Успенский, К.Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р. Х. [Текст] / К.Н. Успенский. – М., 1916 // Голос минувшего: журнал истории и теории литературы. – 1917. – Ноябрь-декабрь. – 11-12. – С. 354.
7. Бузескул, В.П. Античность и современность: современные темы в античной Греции [Текст] / В.П. Бузескул. – СПб., 1913. – С. 192.
8. Бузескул, В.П. Введение в историю Греции... [Текст] / В.П. Бузескул. – С. 472.
9. Бузескул, В.П. Проф. Р. Виппер. Лекции по истории Греции [Текст] / В.П. Бузескул. – Ч. I. – М., 1905 // ЖМНП. – 1905. – Октябрь. – С. 410, 426.
10. Бузескул, В.П. Античность и современность... Предисловие.
11. Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет / отв. ред. С.М. Короливский. – Харьков, 1955. – С. 255, 245.

Е.Е. ШЕХОВЦОВА

Метаморфозы материнства в Римской империи

В статье автор рассматривает типы императрицы-матери в Римской империи I–V веков, а также способы возвеличивания статуса многодетных матрон. Проанализировав произведения Тацита, Светония, Иосифа Флавия, Геродиана, авторов «Жизнеописаний Августов» и Аврелия Виктора, автор выделил два типа императриц-матерей: властвующие женщины, стремившиеся любыми способами обрести бразды правления, и женщины, готовые пожертвовать собой, своим благополучием ради детей.

The author considers types of empresses-mothers in the Roman empire of the 1st – 5th century, also the ways of exaltation the status of mothers of many children. Having analyzed the works of Tacitus, Suetonius, Josephus Flavius, Herodian, the writers of “Scriptores Historiae Augustae”, and Sextus Aurelius Victor, the author found two types of empresses-mothers: ruling women who tried to get the reins of government anyway, and those who were ready to sacrifice themselves, their happiness for their children’s sake.

Согласно античным авторам, ставившим во главу угла такие качества женщин, как плодовитость, любовь к детям и способность воспитывать их в идеалах римского общества, главной функцией римской императрицы была функция матери. Так, Корнелий Тацит писал, что Ливия, супруга императора Августа, была «страстно любящей мате-

рю», «хорошей помощницей ... сыну» (Тас. Ann. V. 1) [5. С. 144].

Многие императрицы также считали функцию матери основной в своей жизни. По мнению французского исследователя Ф. Фонтена, об этом свидетельствует большое число детей в семьях императоров. Так, Фаустина Младшая была нежной, страстной, честолю-